

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 337–344
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 337–344
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-337-344>

Научная статья
УДК 339.542.22(470+571+410)|1734|

Как готовился российско-британский торговый договор 1734 года (по материалам дипломатической переписки)

Т. Л. Лабутина

Институт всеобщей истории РАН, Россия, 119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32а

Лабутина Татьяна Леонидовна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, tlabutina2007@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2609-4175>

Аннотация. На основе анализа дипломатической переписки британских послов в России при дворе императрицы Анны Иоанновны рассматривается процесс подготовки к заключению российско-британского торгового договора 1734 г. В зарубежной и отечественной историографии торговый договор активно обсуждался, однако сюжет, связанный с его подготовительным этапом, слабо освещался либо не затрагивался вовсе. Автор обращает внимание на сложный характер переговоров, настойчивость и мастерство в достижении своих целей британских переговорщиков и слабость и неумение защищать национальные интересы отдельных высокопоставленных российских чиновников. Трактат 1734 г. оценивается автором как неравноценный и наиболее выгодный для английского купечества.

Ключевые слова: Россия, Великобритания, XVIII век, дипломаты, переговоры, Торговый договор 1734 года.

Для цитирования: Лабутина Т. Л. Как готовился российско-британский торговый договор 1734 года (по материалам дипломатической переписки) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 337–344. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-337-344>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

How the Russian-British commercial treaty of 1734 was prepared (based on the materials of diplomatic correspondence)

T. L. Labutina

Institute of World History of Russian Academy of Sciences, 32-A Leninskii Av., Moscow 119334, Russia

Tatiana L. Labutina, tlabutina2007@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2609-4175>

Abstract. Based on the analysis of diplomatic correspondence of British ambassador in Russia at the court of Empress Anna Ioannovna highlights the process of preparation for the conclusion of the Russian-British commercial treaty in 1734. In foreign and Russian historiography, the treaty was actively discussed, but the plot related to its preparatory stage was poorly covered, or not touched at all. The author draws attention to the complex nature of the negotiations, the persistence and skill of the British negotiators in achieving their goals, and the weakness and inability to protect the national interests of certain high-ranking Russian officials. The treaty of 1734 is estimated by the author as unequal and the most profitable for the English merchant class.

Keywords: Russia, Great Britain, XVIII century, diplomats, negotiations, commercial treaty of 1734

For citation: Labutina T. L. How the Russian-British commercial treaty of 1734 was prepared (based on the materials of diplomatic correspondence). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 337–344 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-337-344>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Торговля в англо-русских отношениях всегда занимала важное, можно сказать, первостепенное место. Если обратиться к истории вопроса, то выяснится, что именно торговые связи Англии и Московского государства во многом способствовали установлению дипломатических отношений между ними. В марте 1556 г. «открывший» «Московию» английский купец и мореплаватель

Ричард Ченслер получил первую жалованную грамоту от царя Ивана Грозного, позволявшую англичанам вести беспошлинную торговлю в государстве¹. Между тем Англия и Россия, вступившие в коммерческий диалог, ставили веред собой различные цели. В то время, как царь пытался проложить кратчайшую морскую дорогу на Запад, опираясь на поддержку англичан, через

экономические с ней связи, политический союз, а, возможно, и династический брак, англичане преследовали исключительно коммерческие цели. По мнению исследователя Ф. Ф. Мартенса, английское правительство «смотрело на Московское государство только как на новый рынок для выгодного сбыта английских произведений и для получения нужного для английской промышленности сырья»².

В XVIII в. Великобритания окончательно становится главным торговым партнером России. Как отмечает современный историк А. В. Демкин, на протяжении столетия наблюдалось бурное развитие британской промышленности, требовавшей все больше сырья и полуфабрикатов. Великобритания потребляла основную долю вывозимых из России традиционных статей ее экспорта: пеньки и льна. Британские купцы покупали почти все экспортное русское железо. «Можно без преувеличения сказать, – продолжал ученый, – что британский флот (и прежде всего военный) был создан по преимуществу из материалов, вывезенных из России. Россия же потребляла готовые изделия британской промышленности: сукна, ткани, различные предметы обихода (среди них важное место занимали предметы роскоши) и т. д.»³. В результате в XVIII в. сложилась такая ситуация, когда оба государства стали необходимы друг другу как экономические партнеры. «Промышленность и флот Великобритании не могли существовать без поставок сырья и полуфабрикатов из России. В то же время никто, кроме британских купцов, не мог купить у России производимое ею огромное количество экспортных товаров»⁴, – заключает историк.

Интенсивные торговые отношения с Англией существовали уже в правление Петра I. Об этом свидетельствовал профессиональный купец и известный литератор Д. Дефо. «Мы посылаем теперь 100 судов в год вместо 8–9, как в прошлые годы»⁵, – писал он в 1705 г. в журнале «The Consolidator». В целом за 10 лет, с 1698 по 1708 гг., объем англо-русского товарооборота, по свидетельству историка В. М. Матвеева, утроился⁶.

По мере того, как англичане укрепляли свои позиции на русском рынке, их аппетиты только росли. И вот уже британский резидент Джордж Маккензи 10 марта 1715 г. направляет Петру I от имени короля Георга I Ганновера меморандум, в котором высказаны пожелания (скорее требования. – Т. Л.) монарха, касающиеся торговли двух стран. В меморандуме, в частности, говорилось о необходимости разрешения российского правительства «свободной и открытой торговли для всех купцов, подданных Великобритании»; об освобождении их от уплаты налогов, а также от постоя солдат. Кроме того, подданные Его Величества должны быть подсудны исключительно британским судам, а книги, письма и другие бумаги фактории не подлежат досмотру⁷.

В какой мере подобные требования британских властей были выполнены российским правительством, трудно сказать, поскольку каких-либо документальных свидетельств об этом обнаружить не удалось. Однако нельзя исключать, что царское правительство во многом шло на уступки британцам, поскольку было крайне заинтересовано в торговле с Англией. Во всяком случае на это указывает проект торгового договора, представленный русским послом князем Б. И. Куракиным государственному секретарю Великобритании лорду Таунсенду 23 марта 1715 г., и аналогичный проект англичан, составленный в мае того же года⁸. В то же время, судя по всему, выдвинутые обеими сторонами условия договора не устраивали ни англичан, ни русских.

Заметим, что предыстория экономических отношений Англии и России в свое время освещалась в монографии «Англичане в допетровской России»⁹. Останавливались мы также на проблеме пролонгации Торгового соглашения 1734 г. в правление Екатерины II в 1766 г.¹⁰ Сам торговый договор и связанная с ним дипломатическая борьба между Великобританией и Россией прежде нами не изучались. Настоящая статья призвана восполнить существующую лауну.

В 1720–1721 гг. политические отношения России и Великобритании обострились. 14 декабря 1720 г. между государствами произошел официальный разрыв дипломатических отношений, однако это не повлияло на торговлю. Она продолжалась, хотя и не в прежнем объеме. В 1724 г. Петр I издал Таможенный тариф, который носил протекционистский характер. В соответствии с ним были введены высокие заградительные пошлины (до 75 %) для зарубежных товаров, аналоги которых производились в России. В то же время товары русского экспорта облагались низкой поощрительной пошлиной до 6 %. Пошлинные сборы предполагалось собирать в российской валюте (ефимками)¹¹.

Таможенный тариф вызвал широкое недовольство европейских и, прежде всего, британских купцов. Неудивительно, что после смерти царя британское купечество подало множество челобитных на имя императрицы Екатерины I, в которых содержались просьбы о снижении пошлин, а также об освобождении их домов от постоя военных. Русское правительство пошло на уступки, и в 1726–1727 гг. на некоторые товары пошлины были понижены. Однако этого для англичан было недостаточно. Вот почему в правление Петра II к царскому двору прибыли дипломаты Т. Уорд и К. Рондо с целью восстановить дипломатические отношения и торговлю в прежнем объеме. Первая часть их миссии была успешно выполнена при Анне Иоанновне в 1731 г. Что касается торгового договора, то британцам за него пришлось серьезно побороться. О том, как это происходило, и пойдет речь в нашей статье. Заметим, что хотя в отечественной науке

торговый договор анализировался рядом ученых (П. А. Остроухов¹², В. В. Лебедев¹³, А. В. Демкин¹⁴ и др.), данный сюжет прежде не являлся предметом специального изучения. Что касается зарубежной историографии (Р. Лодж¹⁵, Д. К. Ридинг¹⁶ и др.), то он был затронут поверхностно.

В конце декабря 1731 г. посол К. Рондо принял первую попытку переговорить о торговом договоре с вице-канцлером А. И. Остерманом. Граф отвечал, что очень рад сделать все, что послужит выгоде обоих государств и что «признает вполне разумным оказать английской торговле с Россией... большее покровительство»¹⁷. Однако пока он не готов говорить обстоятельно по этому поводу, так как занят другими делами. Судя по всему, Остерман не получил от императрицы Анны Иоанновны каких-либо указаний, касающихся торгового соглашения, чем и объяснялось его прохладное отношение к предмету разговора с Рондо.

В начале марта 1732 г. Рондо, выяснив, что российская сторона благожелательно относится к укреплению торговли с Великобританией, решил обратиться к своим соотечественникам – купцам, торгующим в России, чтобы услышать их пожелания и обсудить, о чем ему следует ходатайствовать в их пользу. Вскоре список ходатайств из 15 пунктов был представлен послу.

Судя по этому документу, затруднения и неудобства, стеснявшие английскую торговлю в России, заключались в следующем:

1. Поскольку в 1727 г. все магазины, в которых складировались лен, пенька, масло, были истреблены пожаром, этот товар размещали в разных помещениях, иногда отдаленных «одно от другого на несколько миль»¹⁸, порой даже в жилых домах или во дворах, что представляло опасность из-за огня, подъема вод и пр. Кроме того, разбросанность товаров на большие расстояния значительно затрудняла отправку судов, «вынужденных по несколько раз менять стоянки для приема грузов»¹⁹. Поэтому купцы ходатайствовали о постройке пеньковых магазинов в более удобном месте, к примеру, напротив нового Гостиного двора на Васильевском острове. Они считали, что от магазинов следует проложить мосты к пристаням, расположенным в местах, удобных для подхода судов. Эти меры, по их мнению, облегчат погрузку судов, а следовательно, полагали они, значительно умножат «выгоды и доходы России»²⁰.

2. Поскольку в 1731 г. все иностранцы в силу указа Коммерц-коллегии вынуждены были перевести свои товары к новому Гостиному двору на Васильевский остров, а русские купцы по-прежнему складировали свои товары (кожи, воск, холст, нитки и т. п.) в старом Гостином дворе, то возникли неудобства в обмене. Посему английские купцы желали, чтобы и русских купцов обязывали складировать легкоперевозимый товар в новом василеостровском Гостином дворе. Они просили также, чтобы в целях сохранения товаров

в новом Гостином дворе близлежащий пороховой магазин был куда-нибудь перемещен.

3. Так как все сделки между купцами регистрировались во внутренней таможене, расстояние от которой до нового Гостиного двора было значительным, что задерживало дела, купцы ходатайствовали о ее перенесе на остров неподалеку от портовой таможни и нового Гостиного двора.

4. В связи с тем, что иски русских людей к иностранцам решались в Коммерц-коллегии, а аналогичные иски иноземцев предъявлялись в ратуше, где их ожидали большие проволочки, чрезвычайные расходы; значительная трата времени, и где, наконец, иск оставался без последствий²¹, то английские купцы просили, чтобы их иски рассматривались также в Коммерц-коллегии.

5. Нередко случалось, что русские приказчики в отсутствие хозяев пользовались кредитом у иноземцев, покупая и продавая от их имени товары. Они «входят в большие долги у иноземцев, а когда наделают долгов, хозяин нередко отнимает у них свой товар, а долги, сделанные приказчиками его именем, платить отказывается», заявляя, что он не давал им разрешения кредитоваться²². В связи с этим английские купцы высказали пожелание, чтобы внутренняя таможня при сделках вникала, насколько приказчику доверено вступать в обязательства, и чтобы все сделки, произведенные им от имени хозяина, были обязательными для последнего, как бы заключенные им лично.

6. Бывает, что русский купец, приехав издалека, торгует, делает большие долги, а затем возвращается в место своего жительства, бросает торговлю и живет за счет кредиторов. Розыск и преследование таких должников всегда оказывалось бесплодным и бесполезным, потому купцы просят, чтобы Коммерц-коллегия предписывала привлечение кредитора из места его пребывания в Петербург «для надлежащего удовлетворения»²³.

7. Часто случается, что крепостные люди, «торгующие съестными припасами, кредитуются у иноземцев», а затем, возвращаясь к своим господам, пользуются их покровительством против справедливых притязаний кредиторов. Купцы просят, «чтобы и это зло было предупреждено»²⁴.

8. Нередко при отъезде русского купца остается незаполненной квитанция за купленный товар, так называемая «разделка», а по истечении нескольких лет выставляются требования уплаты вновь, несмотря на то, что она была произведена своевременно. Поэтому купцы ходатайствуют, чтобы по истечении года со времени регистрации сделки во внутренней таможене, отсутствие «разделки» «не влекло за собой обязательства уплаты ни иноземцу со стороны русского, ни русскому со стороны иноземца»²⁵.

9. Купцы нередко жалуются на плохую сортировку пеньки и льна, а также «обыкновение не отрезать корней конопли», отчего они несут

большие убытки, потому они ходатайствуют, чтобы «при обнаруженном и доказанном обмане в сортировке и упаковке пеньки или льна убытки, понесенные от такого обмана, немедленно взыскивались с сортировщиков в пользу лица, доказавшего обман»²⁶.

10. В связи с тем, что купцам постоянно приходится получать от своих зарубежных друзей жалобы на неполную меру холстов, они просят, чтобы торговцы доставляли холсты на рынок не иначе, «как со штемпелем на каждом конце холста, с обозначением количества аршин в куске»²⁷.

11. Чтобы избежать частых и потому очень убыточных задержек английских судов в проливе (Зунда), купцы желали бы упразднения обычая указывать в судовых паспортах нагруженный на судне товар.

12. В большинстве стран купцы имеют право свободно приезжать и уезжать без всяких паспортов; в России же, когда дела требуют их поездки по стране, они обязаны не только брать паспорт, но еще и вносить за себя залог. То же требование предъявляется и к выезжающим из России. Однако англичанам «представить такой залог очень затруднительно, даже в случае, если за отъезжающим не числится никаких долгов ни правительству, ни частному лицу»²⁸. Из-за залога многие желающие возвратиться домой вынуждены оставаться в России, что «крайне убыточно и неудобно». В этой связи купцы ходатайствуют, чтобы впредь в случае желания кого-либо из них выехать внутрь страны «паспорт ему выдавался безостановочно»²⁹ и чтобы залог ни в коем случае не требовали.

13. Нередко купцов без всякого предупреждения выселяют, порой, даже силой, из нанятых ими домов, тем самым грубо нарушая контракты. От этого они терпят неудобства и несут большие убытки. В связи с этим британские купцы просили об устранении подобных насилий и о предоставлении им права покупать и строить себе дома. Кроме того, они хотели, чтобы «купленные, построенные и нанимаемые ими дома, коль скоро они живут в них, освобождались от постоя, как водится во всех странах, где процветает торговля»³⁰.

14. Английским купцам хорошо известно, что выгоды, получаемые Россией от торговли с Англией, превышают выгоды от торговли со всей остальной Европой. Между тем они очень сожалют, что русские торговцы отдают предпочтение приобретению значительных партий солдатского сукна, поставляемого из других стран, и в результате «у англичан на руках товар лежит мертвым капиталом»³¹. В то же время известно, что из всех товаров, ввозимых в Россию из Великобритании, именно солдатское сукно представляется «самым выгодным для английского купечества». Поэтому купцы ходатайствуют, чтобы солдатское сукно покупалось исключительно у англичан, которые «всегда доставят сукно и дешевле и лучшего качества, чем всякая иная нация». Но если

Россия будет и впредь закупать сукно у других государств, то это неизбежно заставит Англию со своей стороны искать пути «к снабжению себя кораблестроительным материалом ... из собственных насаждений, или, во всяком случае, избежать закупки каких-либо русских продуктов»³².

15. Английские купцы высказывали пожелание о переносе всей торговли в Кронштадт при условии, чтобы там «предварительно были построены удобные магазины всякого рода». Это позволит судам быстрее разгружаться, а следовательно, значительно уменьшатся расходы по перевозке товаров. Если же такой перенос всей торговли будет неудобным, то купцы желали бы скорейшего окончания строительства канала, начатого императором Петром Великим, чтобы «глубоко сидящие суда могли подниматься вверх по Неве, что представит немалую выгоду для торговли»³³.

Таким образом, британские купцы обстоятельно обсудили все претензии, которые намеревались предъявить русскому правительству. Обращает на себя внимание п. 14, в котором они не просто огласили пожелание, чтобы русские купцы приобретали сукно исключительно у них, но и попытались шантажировать своих контрагентов, предупреждая, что прекратят с Россией любую торговлю, если не будет выполнено это требование. Неудивительно, что данная статья вызвала жаркие споры в Кабинете министров, куда 3 марта Рондо был приглашен для обсуждения предложений купцов. «Явившись около десяти часов утра, – сообщал он госсекретарю Гаррингтону, – я встретил там князя Черкасского, графа Остермана и фельдмаршала Миниха, которым, кажется, ясно доказал, что для России торговля с Великобританией выгоднее, чем торговля со всей остальной Европой вместе взятой, почему и надеюсь, что Ее Величество милостиво соизволит поощрить нашу торговлю настолько же, сколько и торговлю всех других наций, даже преимущественно перед всеми, так как известное количество денег ввозится в Россию исключительно путем торговых сношений с Великобританией»³⁴.

Далее дипломат вместе с министрами принялись обсуждать документ «статью за статьей», причем Рондо приводил все возможные аргументы в пользу каждой из них. «Особенно долго остановились мы на статье 14, – продолжал консул, – так как я крепко настаивал на том, что интересы самой России требуют не покупать солдатского сукна в Пруссии»³⁵. По-видимому, Кабинет дал какие-то гарантии по поводу приоритета приобретения сукна у англичан, если Рондо высказывал надежду: «Вскоре мы в состоянии будем вновь захватить торговлю сукном в свои руки: у пруссаков сукно покупается здесь только из милости»³⁶. Как бы то ни было, но данный меморандум явился по сути основой, на которой уже можно было вести предметный разговор о заключении торгового договора между странами.

Как это не покажется странным, Анна Иоанновна, не любившая заниматься государственными делами, вопрос с жалобами британских купцов решила быстро. Уже 1 апреля 1732 г. посол сообщал в Лондон, что императрица приказала министрам рассмотреть все статьи переданной Рондо записки и выполнить пожелания купцов, «насколько окажется возможным без ущерба интересам России и подданным Ее Величества»³⁷. Вскоре на 8 из 15 статей было дано согласие и Коммерц-коллегии отправлено предписание внести их в число новых торговых постановлений. Посла также уведомили, что «приказано возможным удовлетворить купцов и по остальным статьям, хотя они еще и не опубликованы». Рондо пришел в восторг от столь быстрого успеха переговоров. Примечательно, что этому он был обязан многим друзьям, «помогавших исходу дела»³⁸. Впрочем, кого он подразумевал под своими друзьями, посол умалчивал. Возможно, что речь шла о ком-то из министров.

Рондо был очень доволен также тем, что ему удалось склонить российских министров на обещание купить около 400 тыс. ярдов английского солдатского сукна. Это решение «очень огорчило пруссаков, надеявшихся, что выгоднейшая отрасль нашей торговли в России – поставка сукна – впредь предоставлена будет им исключительно. Буду очень счастлив, – продолжал консул, – если мне удастся ... со временем вполне упредить эту отрасль торговли за нами»³⁹. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что и здесь Рондо ссылается на помощь русских министров, с которыми он «состоит в отношениях настолько хороших, что ему удалось склонить» их к заказу значительного количества сукна из Англии.

Однако не все шло так гладко, как представлял себе дипломат. Уже спустя месяц после отправки в Лондон упомянутого документа, Рондо извещал лорда Гаррингтона о том, что ему вряд ли удастся склонить русский двор к заключению торгового договора. «Я слышал, – писал он, – что он (двор. – Т. Л.) и прежде отказывался вступать в подобные обязательства из опасения, как бы и Голландия, и другие государства, имеющие торговые сношения с Россией, не пожелали заключения таких же договоров. Впрочем, – продолжал Рондо, – я, конечно, употреблю все усилия, дабы склонить Ее Величество на договор, направленный к обоюдной выгоде обоих народов»⁴⁰.

Тем временем от лорда Гаррингтона пришло сообщение о том, что король приказал дело о торговле с Россией передать на рассмотрение Торговой палаты, а также потребовал от Рондо приложить «все свои старания и все свое умение к заключению трактата»⁴¹. «В настоящее время обстоятельства слагаются особенно благоприятно для такого дела: отношения между Великобританией и Россией совсем не те, что были при Петре I, когда делались первые попытки к заключению

торгового договора, прекратившиеся за перерывом сношений и не давшие никакого результата. Укажите на то, что договор этот, невзирая на свой чисто-коммерческий характер, направленный к обоюдной пользе договаривающихся сторон, дает дружбе нашей основание более прочное, чем всякий иной дружественный или даже оборонительный договор»⁴². Как видно, приоритеты англичан нисколько не изменились: на первое место они выдвигали коммерческие, а не союзнические цели, в чем расходились с российской стороной. И, как отмечал Рондо, хотя правительство Анны Иоанновны устранило все неудобства в торговле, на которые жаловались британские купцы, и решило более «тесно» сблизиться с Великобританией, тем не менее, оно скорее желает заключить «дружественный договор, не упоминая о взаимных гарантиях»⁴³.

7 октября 1732 г. Рондо отправил государственному секретарю очередное сообщение, к которому была приложена его записка о состоянии российско-британской торговли. В ней Рондо в очередной раз уверял, что торговля с Великобританией в течение многих лет была и поныне продолжает оставаться для России более выгодной, чем торговля с любой другой европейской нацией. Подданные Великобритании вывозят две трети всей экспортируемой пеньки, более половины всех экспортируемых кож, столько же льна, более трех четвертей всех полотен, примерно столько же железа, весь поташ, большую часть ревеня, рыбьего клея, щетины, воска и пр. При этом три четверти этих товаров в течение последних лет оплачивалось русским деньгами. Однако за последние 10 лет вывоз из Англии в Россию уменьшился почти наполовину. Вместе с некоторыми купцами Рондо попытался выяснить причины, которые привели к подобному положению вещей. Далее он рассматривал каждую из них.

В первую очередь Рондо остановился на вопросе о продаже сукна. Он отмечал, что в прежние годы Россия ежегодно закупала у английских купцов от 1100 до 1200 кусков солдатского сукна для своих гвардии и армии. И так продолжалось до 1724 г. В настоящее время Пруссия представляет собой серьезную конкуренцию для англичан. Учитывая, что русское правительство увеличило численность своей регулярной армии, и в настоящее время ему ежегодно требуется до 3000 кусков сукна, было бы желательно, чтобы это количество поставлялось Англией. Торговля сукном, продолжал посол, представляет для англичан больше выгод, чем все прочие ввозимые в Россию товары, вместе взятые. Кроме того, английское сукно, по его мнению, лучше и дешевле прусского. «Мы смеем надеяться, что правительство наше примет меры к возможному устранению Пруссии и к обеспечению этой отрасли торговли исключительно за Англией», что принесет шерстяному производству «лишний сбыт произведений при-

близительно на сто тысяч фунтов стерлингов»⁴⁴, – констатировал Рондо.

Второй пункт документа касался вывоза из России шелка-сырца. До 1724 г. из Великобритании в Россию ежегодно вывозилось значительное количество тонких сукон различных сортов, которые закупались русскими купцами для торговли с Персией, и армянами, торговавшими в Шемахе, Гиляни, на каспийском побережье. Эта отрасль английской торговли была утрачена, так как в 1724 г. проживавшие в России армянские купцы просили разрешения у правительства вести транзитную торговлю с уплатой пошлины в 3 %, тогда как с других купцов взималась пошлина от 25 до 75 %. Таким образом, транзитная торговля целиком попала в руки армян, которые, отправляя весь сырец в Голландию, «выписывают оттуда в обмен шерстяные товары, которые прежде по преимуществу... доставлялись Англией в весьма значительном количестве»⁴⁵. Рондо полагал, что данная отрасль британской торговли может быть восстановлена, если будет получено разрешение вывозить шелк-сырец из Санкт-Петербурга в Англию.

Наконец, третий пункт документа касался торговли пенькой. В прежние времена, напоминал Рондо, до того, как торговля не была еще переведена в Петербург, комиссионеры королевского Адмиралтейства нередко заключали контракты на поставку флоту пеньки из Архангельска. Это поощряло вывоз произведений британских мануфактур, которые шли на расплату за пеньку, купленную для выполнения контрактов английского Адмиралтейства. В результате следует признать, что при такой уплате за часть пеньки произведениями самой Англии, соответствующая сумма сберегалась для нации. За последние годы Адмиралтейство обеспечивало свои потребности контрактами на рижскую пеньку, что «представляет убыток на всю сумму стоимости товаров, которые бы могли быть привезены из Великобритании в уплату за пеньку петербургскую»⁴⁶. К тому же в Риге пенька всегда покупается только за наличные деньги, тогда как в Петербурге она приобретает отчасти английскими товарами (сукном, оловом, свинцом, жестью в полосах), что, бесспорно, очень выгодно для Великобритании.

В заключении записки, освещающей положение важнейших отраслей торговли Великобритании с Россией, Рондо вместе с влиятельными английскими купцами, подписавшими документ, выражал надежду, что торговля двух стран будет восстановлена «на прочном основании».

В ответной депеше лорд Гаррингтон проинформировал Рондо о назначении полномочным министром Великобритании при русском дворе лорда Джорджа Форбса, прибытие которого в Петербург ожидалось в марте 1733 г. Понимая, что данное назначение Рондо может расценить как свою отставку, Гаррингтон ссылаясь на решение короля выполнить неоднократно выраженное

желанию царицы видеть при своем дворе «лицо именитое». «Потому, – продолжал Гаррингтон, обращаясь к Рондо, – вам не следует смотреть на это назначение, как на признак недовольства вами; напротив, все ваши действия всегда удоставались милостивого одобрения Его Величества и король никогда не думал смещать вас с поста, на котором вы имеете честь служить ему в настоящее время»⁴⁷. По-видимому, британское руководство сочло необходимым направить в помощь Рондо более опытного дипломата, цель которого, по признанию историка А. Б. Соколова, заключалась в скорейшей подготовке торгового договора между двумя странами⁴⁸. Неудивительно, что Форбс прибыл в Россию в ранге полномочного представителя министра по вопросам торговых отношений.

Таким образом, главную роль на заключительном этапе переговорного процесса о торговом договоре довелось сыграть лорду Дж. Форбсу, а не К. Рондо. Как отмечал британский историк Д. К. Ридинг, лорду Форбсу, как и его предшественнику, неоднократно пришлось обращаться за содействием в своей миссии не только к Остерману, но и к графу Бирону. Ридинг подчеркивал, что в переговорах двух сторон сохранялись разногласия. В то время, как Георг II требовал, чтобы для ускорения принятия договора посол обещал признание императорского титула за царицей, граф Остерман увязывал его с одновременным заключением оборонительного договора между государствами⁴⁹. Форбс не мог согласиться на предложение вице-канцлера. Взамен он представил проект договора, который был утвержден Торговой комиссией 8 августа 1733 г. Этот проект состоял из 27 статей, содержащих требования британцев, и мало отличался от предыдущего проекта, составленного Русской компанией. Дополнением к нему служили выдвинутые британскими купцами требования. Форбс выделил 3 статьи, на которых настаивали англичане. Так, в соответствии со ст. 4 британские купцы требовали уплаты таких же пошлин на ввозимые товары в Россию, какие существовали для русского купечества, торговавшего аналогичными товарами в своей стране. При этом англичане могли уплачивать пошлины в русской монете или в кронах (рейхсдолларах). В соответствии со ст. 7 британцы могли перевозить свои товары в другие страны через территорию России. Оплата пошлины в этом случае должна была составлять 3 % на все товары. Статья 26 касалась торговли английским сукном, которую британцы стремились всеми способами расширить⁵⁰. Форбс считал, что эти три статьи являлись самыми значимыми и, если их удастся принять, то с остальными статьями договора будет намного проще.

Анализируя статьи договора, Ридинг пришел к заключению о том, что торговля с англичанами, в сравнении с другими государствами, будто бы была более выгодна России. В то же время он от-

мечал, что британская сторона получала большие дивиденды не только от экспорта и импорта товаров в Россию, но и от их перевозки на своих судах. Неудивительно, что послы Форбс и Рондо приложили немало усилий, чтобы добиться заключения договора. Все лето и осень 1734 г. шли трудные переговоры. С британской стороны в ход пошло испытанное средство – подкуп влиятельных российских чиновников. Как отмечал А. В. Демкин, крупная взятка была получена герцогом Э. Бироном, а также, возможно, и президентом Коммерц-коллегии бароном П. П. Шафировым. Но вот подкупить графа А. И. Остермана англичанам так и не удалось⁵¹. И хотя вице-канцлер всячески пытался затянуть подписание договора, императрица Анна Иоанновна наконец-то дала согласие на этот шаг. «Трактат между Российским и Английским дворами о дружбе и взаимной между обеих держав коммерции» был подписан в Петербурге 2 декабря 1734 г. Как отмечал А. В. Демкин, «в истории русско-британских отношений это был первый подобный документ. Причем для Британии его условия, по сравнению со всеми последующими трактатами, являлись наиболее выгодными»⁵². Указанный договор предусматривал равные условия в торговле для британцев и русских: свободный проезд в страну, торговля любыми товарами, уплата пошлин в размере, установленном для всех других иностранцев, проживание и наем слуг. Но поскольку русские купцы практически не посещали Великобританию, для них подобный принцип равенства оставался лишь на бумаге. В то же время за британскими коммерсантами сохранялись определенные привилегии. Согласно ст. 8 им была разрешена транзитная торговля с Персией через территорию России. В соответствии со ст. 5 и 7 купцы расплачивались в нашей стране русскими деньгами. Статья 10 освобождала дома британцев от постоев, а ст. 27 уменьшила пошлины с английских шерстяных тканей⁵³.

Анализируя содержание торгового договора, А. В. Демкин пришел к выводу о том, что он стал возможен по нескольким причинам. Во-первых, британское купечество к тому времени уже довольно прочно закрепило ведущие позиции в торговле с Россией, что поощрялось русским правительством. Во-вторых, в этот период усложнилось положение России на международной арене: надвигалась война с Турцией и ухудшились отношения с Францией, «все это требовало сближения с Великобританией»⁵⁴. Наконец, большую роль в подготовке договора сыграли британские дипломаты. Во многом именно благодаря их активной позиции и настойчивости договор удалось подписать в том формате, который был наиболее выгоден британцам.

В отечественной и зарубежной историографии торговый договор 1734 г. оценивается неоднозначно. К примеру, Д. Ридинг считал, что документ предоставлял британцам реальные привилегии в полном объеме. Во-первых, британцы получили

право свободно продавать в России шерстяные товары значительно дешевле, чем их конкуренты. В результате, благодаря снижению на треть ввозных пошлин на эти товары, англичане получали большие выгоды. Спустя четверть века после заключения договора, ежегодный экспорт всех английских товаров в Россию удвоился, по сравнению с предшествующим тридцатипятилетним периодом. А учитывая, что этот вид торговли оставался постоянным на протяжении 35 лет, автор утверждал, что это произошло именно благодаря договору 1734 г. После заключения трактата увеличился также экспорт товаров из России в другие страны, перевозимых на английских судах.

Другими важными приобретениями британцев после подписания договора являлись право транспортировки товаров в Персию через территорию России и оплата пошлины в русской валюте в размере 3 %. Отмечая выгоды англичан, полученные от договора, Ридинг признавал, что русское купечество продолжало играть в торговых отношениях пассивную роль. Русские купцы практически не пользовались закрепленным договором правом свободной торговли в Британии. В случае преступлений на территории Великобритании их могли судить исключительно по английским законам. Подводя итоги, историк заключал: договор явился, с одной стороны, «мастерским коммерческим триумфом Британии», а с другой – Россия оказалась не в убытке, собрав налогов и пошлин с британских купцов и британского Адмиралтейства на 25 млн фунтов стерлингов еще до конца XVIII в.⁵⁵

Отечественный исследователь Т. С. Минаева также полагала, что выгоды от заключения договора получали обе стороны: англичане – солидные прибыли от перепродажи русских и иранских товаров, а российские купцы, промышленники и государство – доходы от крупных сделок с британскими фирмами. Кроме того, отмечает историк, российские купцы с помощью британских судов могли вывозить свои товары в Европу, так как российский коммерческий флот в то время оставался еще малочисленным⁵⁶.

На наш взгляд, концепция А. А. Демкина представляется более объективной. Хотя XVIII в. англичане и называли «золотым веком» в российско-британских торговых отношениях, торговый договор оказался неравноценным для обеих сторон. Россия не получила таких выгод, как Британия. Это объяснялось, прежде всего, слабостью позиций руководства страны в ту пору, сложной международной обстановкой, а также отчасти корыстолюбием высокопоставленных российских чиновников, легко идущих на уступки конкурентам. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов настойчивость и искусство дипломатов в переговорах британских послов, проявленные ими в процессе подготовки и подписании договора.

Трактат 1734 г. оставался в силе вплоть до 1766 г., когда российское правительство подтвер-

дило его пролонгацию. Однако этому событию вновь предшествовала длительная и упорная борьба за преференции между британскими дипломатами, императрицей Екатериной II и российскими чиновниками⁵⁷.

Примечания

- 1 См.: *Лабутина Т. Л.* Англичане в допетровской России. СПб. : Алетейя, 2011. С. 20–23.
- 2 *Мартенс Ф. Ф.* Россия и Англия в продолжении XVI и XVII веков // *Русская мысль* : в 12 кн. М. : Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1891. Кн. I. С. 75–76.
- 3 Русско-британские торговые отношения в XVIII веке : сборник документов / сост. А. В. Демкин. М. : Издательский центр Института российской истории РАН, 1994. URL: drevlit.ru/docs/england/XVIII/1720...pred8ae9.php (дата обращения: 20.02.2019).
- 4 Там же.
- 5 Britain and Russia in the Age of Peter the Great. Historical Documents. London : School of Slavonic and East European Studies, 1998. P. 326.
- 6 *Матвеев В. М.* «Дипломатия в верхах» в XVII веке. Петр I и Вильгельм III в Утрехте и в Лондоне (1697–1698) // *Петр Великий – реформатор России* / под ред. Н. С. Владимировой. М. : Московский Кремль, 2001. С. 239.
- 7 Britain and Russia. P. 139–140.
- 8 Ibid. P. 141–142, 144–146.
- 9 *Лабутина Т. Л.* Англичане в допетровской России. С. 25–46.
- 10 См.: *Лабутина Т. Л.* Британские дипломаты в борьбе за преференции в торговом договоре 1766 года (по материалам переписки английских послов) // *Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина*. 2015. № 4 (49). С. 42–55.
- 11 См.: *Демкин А. В.* Британское купечество в России XVIII века. М. : Издательский центр Института российской истории РАН, 1998. С. 18–19.
- 12 См.: *Остроухов П. А.* Англо-русский Торговый договор 1734 г. СПб. : С.-Петербургский политехнический институт им. Петра Великого, 1914. 204 с.
- 13 См.: *Лебедев В. В.* Русско-английские торговые отношения и договор 1734 г. // *Ученые записки МГУ*. 1954. Вып. 167. С. 121–131.
- 14 См.: *Демкин А. В.* Британское купечество в России XVIII века. 250 с.
- 15 *Lodge R.* The First Anglo-Russian Treaty 1739–1742 // *English Historical Review*. 1928. Vol. XLII I. P. 354–375.
- 16 *Reading D. K.* The Anglo-Russian Commercial Treaty of 1734. New Haven : Yale University Press, 1938. 337 p.
- 17 Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // *Сборник императорского русского исторического общества* (далее – СИРИО) : в 148 т. СПб. : Типография императорской Академии наук, 1889. Т. 66. С. 403–404.
- 18 СИРИО. Т. 66. С. 424.
- 19 Там же.
- 20 Там же.
- 21 Там же. С. 425.
- 22 Там же. С. 426.
- 23 Там же. С. 427.
- 24 Там же.
- 25 Там же. С. 427–428.
- 26 Там же. С. 428.
- 27 Там же. С. 428–429.
- 28 Там же. С. 429.
- 29 Там же. С. 429–430.
- 30 Там же. С. 430.
- 31 Там же. С. 430.
- 32 Там же. С. 430–431.
- 33 Там же. С. 431–432.
- 34 Там же. С. 423.
- 35 Там же.
- 36 Там же.
- 37 Там же. С. 440.
- 38 Там же. С. 440–441.
- 39 Там же. С. 441–442.
- 40 Там же. С. 474–475.
- 41 Там же. С. 487.
- 42 Там же. С. 487–488.
- 43 Там же. С. 491.
- 44 Там же. С. 517.
- 45 Там же. С. 519.
- 46 Там же. С. 520.
- 47 Там же. С. 555.
- 48 См.: *Соколов А. Б.* Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI–XVIII вв. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1992. С. 215.
- 49 *Reading D. R.* Op. cit. P. 127.
- 50 Ibid. P. 130.
- 51 См.: *Демкин А. В.* Британское купечество в России XVIII века. С. 20.
- 52 Там же.
- 53 Там же. С. 20–21.
- 54 Там же. С. 21.
- 55 *Reading D. R.* Op. cit. P. 297–301.
- 56 См.: *Минаева Т. С.* Россия и Швеция в XVIII веке : история таможенной политики и таможенной системы. Архангельск : Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2009. 219 с.
- 57 См.: *Лабутина Т. Л.* Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб. : Алетейя, 2019. С. 79–110.

Поступила в редакцию 20.02.2020, после рецензирования 11.03.21, принята к публикации 12.04.2021
Received 20.02.2020, revised 11.03.21, accepted 12.04.2021